

типа представляет собой лексическую совокупность, основанную на парадигматических, синтагматических и деривационных отношениях ее компонентов и охватывающую не только концептуально сходные слова признаковой семантики (независимо от наличия/отсутствия между ними деривационных связей), но и актантные существительные, являющиеся результатами лексикализации валентностей предикатных конститuentов поля. Ядром межчастеречного семантического поля, как правило, выступает понятие, репрезентированное глаголом.

Выделение расширенных семантических полей является важным этапом в процессе исследования языка. На материале таких полей возможны систематизация и решение многих теоретических и прикладных задач, в частности вопросов сопоставительного изучения лексико-семантических систем разных языков. Расширенное семантическое поле, как и лексико-семантическая система языка, представляет собой сложное системное образование, характеризующееся единством парадигматических, синтагматических и деривационных связей конституирующих его элементов, что позволяет рассматривать этот тип семантического поля в качестве одной из возможных моделей ЛСС. Выгодно отличаясь от лексико-семантической системы своей компактностью, при ряде сходств в структурной организации элементов расширенные семантические поля являются, на наш взгляд, достаточно удобными объектами для сопоставительного изучения лексики. Сравнительное рассмотрение данных совокупностей слов дает возможность выявить как наиболее общие системные свойства лексики сопоставляемых языков, так и специфические черты каждой из них.

¹ Наряду с синтаксическими дериватами транспозицию понятия могут осуществлять и так называемые словообразовательные супплетивы, например: *происходить* → *происшествие*, *событие*. См.: о словообразовательном супплетивизме в работе: Мельчук И. А. О супплетивизме // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972; ср. также: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

² См.: Уемов А. И. Вещи, свойства, отношения. М., 1963. С. 72.

³ См.: Ревзин И. И. Структура языка как моделирующей системы. М., 1978. С. 182; Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988. С. 77.

⁴ К признаковым словам относят также числительные и категорию состояния, однако, учитывая разделение знаменательных слов на основные и неосновные, можно в рамках данной теории не выделять эти части речи обособленно.

⁵ См.: Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977. С. 77.

⁶ См.: Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975. С. 114, 328 и далее.

⁷ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 235.

⁸ См.: Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976. С. 340; Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. С. 416.

⁹ См.: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. С. 131.

О. А. ФЕЛЬКИНА

ОБ ЭВОЛЮЦИИ СЕМАНТИКИ КОРНЯ *добр-*

Корень *добр-* во всех славянских языках имеет значение общей положительной оценки. Но в современном русском языке это значение для прилагательного *добрый*, например, является второстепенным. Основное его значение — «расположенный к людям, отзывчивый». Очевидно, что второе развилось из первого как более конкретное, а затем выдвинулось на первый план. Когда и почему это произошло? Обратимся к этимологии корня *добр-*, чтобы иметь представление о его семантике в дописьменную эпоху.

Корень *добр-* родствен корням *добл-* и *дебел-*, все они являются производными от *доб-*. *Доб-* имеет в славянских (а также балтийских) языках значение «соответствующий, подобающий», которое проявляется, например, в русских словах *подобать*, *надобно*, *подобный* (т. е. «совпадающий в какой-то части либо степени»), *удобный* («хорошо приспособ-

собленный, подходящий для чего-либо»). Разновидностью этого значения можно считать «красивый», т. е. «соответствующий требованиям к внешнему виду» (зап.-слав., белор. *аздоба, аздобіць*). Значение «соответствующий, подобающий» имеет и корень *добл-* в словенском языке. В болгарском, македонском книжном и русском языках *доблий* означает «мужественный, смелый». В русском языке корень *доб-* имеет также значение жирности, питательности (*сдоба, сдобить*). Близки названному значения величины, прочности, хорошего физического состояния человека, характерные для слов с корнем *дебел-* (болг. диал. *добел* «крупный», юж.-слав. *дебелица* «крупный плод», русск. диал. *дебёлый* «здоровый, сильный», «крепкий, твердый, прочный»).

Можно сказать, что перечисленные корни имели значения положительной оценки по различным критериям. Значение «соответствующий, подобающий» совпадает со значением общей положительной оценки, поскольку «хороший» — это «соответствующий предъявляемым требованиям»¹. Критерии оценки достаточно ясны: человек рассматривался как работник и воин, а потому ценились здоровье, сила и смелость; пища оценивалась с точки зрения питательности; различные предметы, которыми пользовался человек, — с точки зрения прочности и приспособленности их для выполнения определенной функции и т. д.

В старославянском и древнерусском языках корень *добр-* также имел значение общей положительной оценки: «Азь есмь пастырь добры, пастырь добры душу свою полагааь за овцыя» (Мар. ев., II, 12; здесь и далее примеры даются в упрощенной орфографии), «Глаголетъ бо в мирскихъ притчахъ: рѣчь продолжена не добро, добро продолжена паволока» (XII в., с. 398), «Не та пшеница добра мнѣся, иже на добръ поли пожата, но яже полонѣна и на пищу угодна естъ» (XIII в., с. 514); в том числе и эстетической оценки: «Бяше же Феврония прѣдобра видѣмъ яко и цвѣтъ не имѣти такого образа добра» (Усп. сб., 1316).

В обоих языках слова с корнем *добр-* употреблялись в значении сильной степени или большой величины: «Даите и дасть ся вамъ. мѣру добро натѣкану и потрусьну и прѣлиѣюшту ся дадять на лоно ваше» (Мар. ев., Л. VI, 38; в Апракосе Мстислава Великого — мѣру добру); в древнерусском языке это значение имело наречие *добрѣ*: «Отъ сего житѣя добро изити яко ис пиру: ни жажуща, ни упивѣшася добрѣ» (XIII в., с. 516), «Господинъ Диего де Саведра в городе Брюселе добрѣ болен лежит» (Вести-Куранты, с. 214).

К употреблению в значении хорошего физического состояния можно отнести лишь словосочетание *доброе здравие* (в др.-русс. памятниках).

Нужно отметить, что два последних значения, а также значения жирности, прочности, смелости, не характерны для *добр-* именно в старославянском и церковнославянском языках, а не в русском языке вообще. Например, в Вестях-Курантах 1642—1644 годов употребления наречия *добрѣ* в значении «очень, сильно» составляют 25 % от всех употреблений слов с *добр-* (в памятниках церковной литературы — менее 1 %). В духовных грамотах XV века встречается формулировка: «Пишу грамоту душевную въ своемъ смыслѣ, добръ, здоровъ» (Дух. гр., с. 55, 1406—1407 гг.), где *добрѣ* определяет, по-видимому, именно физическое состояние. Значение прочности является одним из элементов семантики прилагательного *добротный* современного русского языка. Значения физической силы, здоровья и смелости имеет прилагательное *добрый* в фольклорном сочетании добрый молодец, значение жирности — глаголы *сдобрить* и *раздобреть*.

Неактуальность названных значений в языке церковной литературы связана, очевидно, с особенностями религиозного мировоззрения. Христианская проповедь аскетизма, отречения от плотского, преимущества духа над плотью противоречила признанию первостепенными положительными качествами человека физической силы, здоровья; а одно из основных требований христианского культа — соблюдение поста — препятствовало положительной оценке жирности пищи.

Какие же значения корня *добр-* актуализировались в старославянском и церковнославянском русской редакции языках? Существительное *добро* в сочетании *добро творити* и сочетание *дѣло добро* имели значение «благодетельние» (в Маринском евангелии и Апракосе — во всех случаях употребления, в памятниках XI—XIII веков — в части). Актуализация этого значения закономерна — согласно христианскому вероучению, милостыня является одним из основных условий спасения.

Прилагательное *добрый* в сочетании с существительными типа *человѣкъ, мужь, нравъ, житие, путь* имело значение положительной моральной оценки. Естественно, критерии оценки иные, чем в дохристианскую эпоху (и в светской литературе, о чем ниже); а потому изменилось и значение слова *добрый*. Приведем несколько примеров: «Сни же суть иже добромъ сръдцемъ и благомъ слышавъше слово дръжати и плодъ творятъ въ тръпѣнии» (Мар. ев., Л., VIII, 15; «восприимчивый к слову господню, праведный»), «Нѣ добрыи за тя бога моля чѣто успѣть, аще ты еси невѣрнъ, ни сквърнныи тебе не вредитъ аще ты еси вѣрнъ» (Изборник 1076 г., л. 259; «праведный, добродетельный»), «Братне моя хоцю вамъ повѣдати житие добро и съвършено мужа дивна и съвършена» (Усп. сб., 292 г.; «праведный, безгрешный»).

Кроме того, в древнерусском языке *добрыи* выражало более конкретную моральную оценку — «расположенный к людям, отзывчивый»: «И всѣ племя свое поручи богу: добрууму блюстителю» (Изборник 1076 г., 164 об.), «То ти есть тнунъ царевъ: тяжу судити, а другой ищеть, абы ему чимъ царю добро сердце створити» (XIV в., с. 84). И наречие *добрѣ* могло употребляться в значении «милостиво»: «Многы бо начьнѣша каятися въсхытити богъ добрѣ» (Изборник 1076 г., л. 196). Появление (или актуализация) этого значения связано, без сомнения, с христианским мировоззрением, с евангельской проповедью любви к ближним, самоотречения и смирения, благотворительности.

В памятниках XI—XIII веков существительное *добро* употреблялось в значениях «нравственный идеал» и «совокупность положительных качеств человека» (оценка производилась с религиозных позиций), последнее значение имели и существительные доброты и доброты (только мн. ч.): «Добро и злы въ чловѣцѣхъ искушена будета» (Усп. сб., 111 в.), «Елико же кого умъ потяжеть на добро. толико же мысли доброчьстныя възвратитъ. и тольми паче на ны мысли въоружитъ ся» (там же, 303 г.), «Търпи скърби. въ скърбѣхъ бо доброты цвѣтуть. аky въ тръни цвѣтъци» (Изборник 1076 г., л. 70 об.).

Слова с корнем *добр-* часто имели в этих памятниках и чисто религиозное значение. Например, сочетания *добрый труд, добрый подвиг*, а также сочетание *дѣло добро* и существительное *добро* в *добро творити* в большей части употреблений имели значение «религиозное подвижничество»: «Добрѣ трудивъ ся добрымъ трудъ и вѣнъцъ получи» (Усп. сб., 207 а), «Паче же въсѣхъ иже въ пустыни и въ печерахъ. и въ пропастьхъ земельныхъ добро творита» (Изборник 1076 г., л. 111). *Доброта* и *добрость* имели значение «благодать», т. е. «божественная сила, необходимая человеку для спасения»: «И прося от него плода сладкаго. сирѣчь сладкыя богови доброты. ею же спасение прибываеъ» (Усп. сб., 177 г.).

Слова с *добр-* в этих новых, связанных с христианством, значениях употреблялись в церковной литературе довольно активно. Причем, если в Маринском евангелии употребления в значениях «благодетельние» и моральной оценки составляют менее четверти всех употреблений слов с *добр-*, то в Изборнике 1076 года и Успенском сборнике XII—XIII веков, вместе с употреблениями в чисто религиозном смысле, — около половины (59 и 48 %). Иными словами, в церковной литературе значение моральной оценки с позиций христианского мировоззрения для корня *добр-* примерно равно по значимости значению общей оценки с позиций утилитарных, эстетических и др. Такое соотношение связано, конечно, с тем,

что в центре внимания церковной литературы находится духовная жизнь человека, материальное остается на втором плане.

В светской литературе и деловой переписке оказываются неактуальными значения *добр-*, непосредственно связанные с религией («благодарить», «религиозное подвижничество», «праведный» и т. д.). Человек оценивается с иных позиций. *Добрый* в сочетаниях *добрый человек*, *добрые люди* и т. п. означает здесь «правомочный, уважаемый», «знатный», «хозяйственный», иногда — «смелый, искусный воин»: «Здѣ ваша братия и дѣти ваши тѣргуютъ и въводятъ люди добры в поруку» (Грам. вел. Новгорода и Пскова, с. 318, н. XIV в.), «А у доброго человека и у доброй жены порядливой... всякий запас, чему мочно впредь быти в бережении и не згноено, у всякого бы году во всякомъ обиходе и в запасе сходилося» (с. XVI в., с. 132), «А тѣ люди были добры ратному дѣлу навичны» (Вести-Куранты, с. 28).

Но и в светской литературе сохраняется потребность в выражении понятия расположенности к кому-либо (или к людям вообще), отзывчивости. Поэтому слова с *добр-* в значении «расположенный к людям, отзывчивый» остаются употребительными: «Но указуй тым ласку свою и привчай лицом добрым» (XV—XVI вв., с. 552), «И произволение челоувѣческое господь прещедрый паче добротою наводит и утверждает, нежели казнию» (с. XVI в., с. 290), «А дяка государь боярин князь Юрья Петрович жалует к нему добръ (Разг., с. 35).

Корень *добр-* (по крайней мере, некоторые слова с ним) начинает восприниматься как церковнославянский. Очевидно поэтому с XV века в значении общей положительной оценки становятся употребительны слова с корнем *хорош-*. Например, в грамматике Федора Максимова (1723) сделаны попытки перевести некоторые церковнославянизмы на национально-бытовой язык, причем в разряд церковнославянизмов попадает и *добре*, которое переводится как *хорошо*². К концу XVIII века *хороший* и *хорошо* становятся более употребительны, чем *добрый*, *добро/добре*. Значение общей оценки становится поэтому неактуальным для *добр-*, на первом плане остается значение «расположенный к людям, отзывчивый». Поэтому и в семантической структуре слов *добрый*, *доброта* и др. главным становится это второе значение.

¹ См.: Шрам А. Н. Сколько значений у слова *хороший*? // Вопросы семантики. Калининград, 1983.

² Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1982. С. 83.

Сокращения

Апракос — Апракос Мстислава Великого. М., 1983; Вести-Куранты — Вести-Куранты 1642—1644 гг., М., 1976; Грам. вел. Новгорода и Пскова — Грамоты великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949; Дух. гр. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950; Изборник 1076 г. — Изборник 1076 г. М., 1965; Мар. ев. — Маринское евангелие. Петербург, 1883; XII, XIII, XIV, XV—XVI, с. XVI века — Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980; XIII век — 1981; XIV — середина XV века — 1981; Конец XV — начало XVI века — 1984; середина XVI века — 1985; Разг. — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова). М., 1965; РСП — Русская сатирическая проза XVIII века. Л., 1986; Усп. сб. — Успенский сборник XII—XIII веков. М., 1971.